

ISSN 2218-9118

АРХИВ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Научно-практический журнал
Издается с 2010 года

№1(3) – 2012

URBI ET ACADEMIAE

ГРАДУ И НАУЧНОМУ СООБЩЕСТВУ

Санкт-Петербург 2012



ВЗАИМНАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

Кашкин В. Б.,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации,
Воронежский государственный университет,
kashkin2000@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены общие основания и взаимная дополнительность грамматической семантики языков с точки зрения контрастивной лингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сопоставительная лингвистика, принцип дополнительности, грамматическая семантика

Разнообразие, непохожесть языков и, в то же, время, возможность взаимной переводимости, пусть и до определённого предела, издавна привлекали внимание исследователей и требовали своего объяснения. Существуют ли общие семантические и грамматические основания языков или каждый язык полностью своеобразен? Ответ вряд ли может быть однозначным. Насколько возможно межъязыковое сравнение, если сходная семантика может находить в разных языках асимметричное и разнохарактерное выражение?

В качестве одного из наиболее ярких примеров обычно приводят способы выражения так называемой «определённости/неопределённости» в артиклевых и безартиклевых языках. Тот комплекс смыслов и функций, который выражается и исполняется артиклями или иными средствами много шире простой оппозиции «определённость/неопределённость», он связан с информационной структурой, количественностью, классификационными характеристиками, актуальным членением высказывания и т. п. Эти смыслы взаимодействуют с лексическими классами имён, порядком слов, фразовым ударением и т. п.: англ. *A woman entered the room* = В комнату вошла женщина и *The woman entered*

the room = Женщина вошла в комнату. Ср. также: *Птицы летают* и *Летают птицы* [Литвин 2007], или: *Ребёнок в машине* и *В машине ребёнок*, вариант: *Ребёнок с нами* и *С нами ребёнок*; а также *В машине дети*. В русском языке речитивность (в отсутствии эмфатической просодии) склонна концентрироваться в конце предложения, поэтому вторые варианты из вышеприведённых в большей степени соответствуют заимствованной англоязычной наклейке на машину: *Baby on board* или *A child is in the car*, тогда как после прочтения первых появляется мысль об уже известном (всем возможным встречным водителям?) ребёнке (хотя, конечно же, это просто результат непрофессионального, пословного перевода).

Русский язык как безартиклевый «справляется» с комплексом смыслов, условно названным нами «неопределённостью», с помощью нелинейных средств (порядок слов + просодия, в основном), но сам смысл неопределённости при этом не теряется. Можно сказать, что смыслы, выражаемые артиклями в некоторых языках и разнообразными иными средствами в других, обладают свойством универсальной необходимости, ведь разделение информации на данную и новую, тема-

ремагическая прогрессия и т. п. вытекают из самой сущности коммуникации, имеют диалогическую прагматическую основу: известное для отправителя и, по его мнению, неизвестное получателю сообщается и оформляется неопределённым артиклем, либо соответствующим образом в безартиклевом языке. Само разделение на артиклевые и безартиклевые языки, впрочем, также достаточно условно, поскольку в тех языках, которые принято считать безартиклевыми, помимо порядка слов, соответствующие смыслы выражаются (факультативно) с помощью местоимённых прилагательных, местоимений (полуартиклей) типа *некоторый, всякий, тот, этот*, числительных типа *один* (протоартиклей) и т. п.: *Жила-была одна старушка или Жил-да-был один мальчик*.

Интересно, что статистическое распределение этих средств, формально несопоставимых, но выполняющих одну и ту же универсальную функцию, связанную с построением текста, вполне соотносимо в артиклевых и безартиклевых языках. Так, в интродуктивных фразах сказок ряда артиклевых языков и безартиклевого русского нами было обнаружено сходное количество имён с неопределённым артиклем и с выражением неопределённости нелинейными средствами (в первую очередь посредством порядка слов), соответственно (например, 68,9% для английского и 64% для русского) [Кашкин 2001: 154-155]. Неопределённость как бы «витаает в воздухе» и соответствует меткому названию «окультурного артикля», данного в своё время этому явлению Г. Гийомом [Guillaume 1919: 311-312], либо более известному понятию «скрытой грамматики». Способы выражения неопределённости, по мнению Гийома, можно обнаружить и в безартиклевом латинском языке как в виде «зародышей» будущих артиклей, так и в виде нелинейных средств. История и функционирование артиклей и других средств выражения соответствующей семантики наиболее ярко демонстрирует недостаточность простых

оппозитивных моделей в грамматической семантике, требующих дополнения, основанного на иных подходах.

Сопоставляя отдельные языковые средства, их классы и комплексы, подсистемы, а в конечном итоге и языки, мы опираемся на определённые исходные принципы, формирующие модель сопоставления языков. В рассмотрении языковых контрастов можно выделить два подхода к различиям смыслов: оппозитивный и градуальный, или, иначе говоря, дискретный и континуальный. Контрастность, оппозитивность связаны, в первую очередь, с атомарным рассмотрением грамматических смыслов, т. е. с поисками минимальной единицы грамматической семантики, грамматических примитивов. Исследователь пытается найти минимальную единицу сопоставления языков, чтобы определить те границы, которые проводит «языковой нож», разрезающий общий пирог действительности – универсальный континуум внешнего мира – и обозначающий результат «нарезки» с помощью дискретных единиц языка. Континуальность же имплицитно предполагает неоппозитивное рассмотрение грамматической семантики, градуальность, пределы варьирования и т. п.

В то же время, континуальность и дискретность могут и должны быть объединены в рамках общей модели, что, впрочем, и происходит в реальной языковой деятельности, являющееся дискретным, атомизируемым на одном иерархическом уровне (или при определённой позиции наблюдателя) приобретает свойства континуального единства на другом. Яркий пример в данном случае может дать история развития многих грамматических форм: от избирательной сочетаемости (например, глагола типа «иметь» с причастием переходного глагола – ‘имею сделанное, написанное, сотворённое’ и т.п.) до расширения этой сочетаемости, превращения избирательности, факультативности в грамматическую обязательность (лат. *epistolam scriptam habeo* – фр. *j'ai écrit une lettre*;

ит. *ho scritto una lettera* и др.). В истории языков это часто называется переходом от анализа (аналитических, перифрастических конструкций и форм) к синтезу (агглютинации, флективности, синтетическим формам). С одной стороны исторического континуума имеем дискретность формы, но единство семантики, с другой – единство и того, и другого. Примером полного цикла обычно служат романское будущее: ит. *canterò* из бывшего *cantare habeo*, а также постпозитивные артикли в некоторых языках: болг. *момчето, любовта*; в некоторых синтаксических условиях восстанавливающие свою дискретную независимость: дат. *huset / et hus* «дом».

Сопоставляя различные языки и отказываясь от «гипноза формы», как называл влияние языковой формальности на восприятие лингвиста А. Делакура [Delacroix 1930 (1926): 138-140], мы приходим к выводу, что языки, в принципе, несопоставимы. В самом деле, даже если сравнить, к примеру, сходные формы глагольных времён или всё те же именные артиклевые формы, то можно обнаружить весьма значительное функциональное расхождение при почти полном формальном сходстве. Например, в немецком языке возможен так называемый «дистантный» перфект (употребление формы *habe/hast/hat ge-en* с адвербиальным детерминантом типа *gestern* и др.) и отсутствие этой функциональной возможности у соответствующей английской формы (*have/has-ed* с *yesterday* и др.). Или ещё пример: в английском и других артиклевых языках у неопределённой формы возможны качественные функции, тогда как в болгарском языке у соответствующей формы данные функциональные возможности не так развиты: Это была шутка (Пушкин); англ. *It was a joke*; фр. *C'était une plaisanterie*; ит. *fu uno scherzo* и др., но болг. *То беше шега* – употреблена форма с нулевым артиклем.

В то же время, сама возможность перевода, интерпретации, понимания демон-

стрирует наличие некоего единого поля смыслов, универсальных грамматических понятий, «атомов», которые, фактически, перераспределяются в ситуации языкового контраста между формальными единицами различных уровней. Сопоставляя языки и переводя с одного на другой, мы сталкиваемся с разнообразием средств, включённых в единый контекстуальный комплекс и множественностью факторов, определяющих грамматический выбор (формы, лексическое наполнение, элементы контекста и др.). С другой стороны, сохраняется концептуальное единство грамматической составляющей «текстовой партитуры» текста [Weinrich 1969: 66-67]. Перефразируя классика, можно сказать: «значения не горят», они перераспределяются в рамках единства явной и скрытой грамматики.

Ф. А. Литвин также указывает на тождественность понятийных и семантических классов, которые «отражают общие закономерности познания мира безотносительно к возможности их выражения» [Литвин 1985: 47]. Единство познания мира в языке сосуществует с асимметрией его категоризации, точнее, со способами обозначения этих категорий в разных языках. Известный принцип асимметричного дуализма языкового знака, сформулированный С. Карцевским в монолингвистическом варианте [Karcevskij 1929: 88], в рассмотрении межъязыковых контрастов проявляется в асимметрии членения смыслового континуума, с одной стороны, и формального репертуара языков, с другой. Определённое соответствие между языками можно найти только на универсальном уровне, в виде потенциала формальных средств и грамматических «интегралов», объединяющих «атомарные» смыслы (если таковые вообще существуют). В конкретных же языках как план выражения, так и план содержания расчлняются в каждом случае по-своему, точнее, избирается свой способ соотносе-

ния «единиц» плана содержания и «единиц» плана выражения из универсального инвентаря возможностей.

Одним из следствий принципа асимметричного дуализма является то, что языки несопоставимы, по крайней мере, на уровне отдельно взятой формы (даже если это формы одного типа): во-первых потому, что имеются языки, в которых отсутствуют формы, подобные или параллельные сопоставляемым; а во-вторых потому, что даже между языками, имеющими подобные параллели, нет полной корреляции потенциалов функционирования этих форм.

Вспомним также один практический принцип, используемый в переводе: принцип нелинейности, не-пословности приравнивания двух текстов, когда переводятся не отдельно взятые, последовательно стоящие в тексте слова (формы), а более крупные отрезки текста, то есть, учитывается контекст и т. п. Как в переводе отдельное слово (форма) не может служить единицей приравнивания, так и в контрастивных исследованиях приходится искать единицу сопоставления более протяженную, чем слово (форма). Дополнение при переводе происходит за счет подбора контекстуальных восполнителей. При отсутствии параллельной формы или при ее функциональной недостаточности, по сравнению с функциональным потенциалом формы в исходном языке, происходит разложение исходного значения формы и перераспределение его между контекстуальными и лексическими (и, разумеется, формальными) средствами. Значение в переводе, таким образом, выражается уже не отдельной формой, не глобально, не синтетически, а дискретно, аналитически – через грамматику-контекстуальный комплекс разноуровневых средств. В данном случае имеется более широкая интерпретация термина А. В. Бондарко «грамматико-контекстуальный комплекс», сформулированного первоначально на материале русского языка [Бондарко 1983: 105-108]. Эта модель весьма удоб-

на как для объяснения комплексного действия разноуровневых средств, так и для объяснения перераспределения семантики между формальными средствами при переводе с одного языка на другой.

Грамматические единицы, как и фонемы, включают в себя неравносильные атомарные составляющие. Какие-то из смыслов находятся в оппозитивных отношениях, какие-то являются материей оппозиции. Среди этих атомарных смыслов можно найти и те, которые находятся в оппозиции латентной. Латентность и переход её в реальную оппозицию рассматриваются в данном случае с точки зрения универсального общечеловеческого языка и возможности реализации данных противопоставлений в каких-либо иных языках. Весьма близкую мысль находим у С. Д. Кацнельсона, указывавшего на тот факт, что грамматическая форма, помимо категориальных функций, выражает ещё целый функциональный комплекс, а также на то, что явная, или внешняя грамматика, воплощённая в грамматических формах того или иного языка, строится на базе скрытой, или внутренней грамматики [Кацнельсон 1972: 93-94]. В каком-то смысле, в любом языке мира можно найти, в виде неоформленных, неграмматизованных, потенциальных оппозиций, атомарные значения, грамматизованные в каком-либо другом языке, в чем, собственно, и состоит сущность концепции скрытой грамматики в одном из смыслов этого термина [Маслов 2004: 27-28]. Возможно, что эти гипотетические атомарные смыслы находятся в некотором системно-иерархическом отношении друг к другу. По сравнению с периодической системой химических атомов (элементов), однако, данный поиск на несколько порядков сложнее по степени доступности для исследователя.

Различение собственно оппозиции и материи оппозиции – не схоластическое ухищрение. В ситуации языкового контраста именно латентный контекст оппозиции

приводит к появлению большинства проблем. Явные оппозиции довольно быстро и относительно успешно осваиваются при изучении иностранного языка, даже если в родном языке подобные оппозиции не проявляются на поверхности. Фонематический пример: французские фонемы [é/è] представляют определённую трудность для русских студентов; но эта трудность снимается на примере русских слов (не фонем!) эти/этот, в которых позиционный вариант «выносит на поверхность» латентную оппозицию открытости/закрытости. Латентность – источник самой возможности изучения чужого языка, а в некоторых случаях и потенциал возможного саморазвития системы. Другой пример: английский акцент в русском о (монофонгизация) связан как раз с несмыслоразличительными материальными элементами русского трифтонгоида: [yOa], и т. п.

Аналогичные примеры на «грамматический акцент» также достаточно многочисленны и подтверждают недостаточность, односторонность рассмотрения языка как замкнутой и строгой системы оппозиций. Большинство оппозиций при сопоставлении языков разбивается, и более универсальные единицы, единицы более адекватного сопоставления языков, обнаруживаются либо на более низком (атомарные смыслы), либо на более высоком (грамматико-контекстуальные комплексы) уровне.

Если иметь в виду только явную грамматику, то соотношение универсальной модели и конкретно-языковых воплощений ее может быть названо соотношением «вычитательной генерации»: какая-то часть универсальных смыслов получает нулевую реализацию. С точки же зрения «полной грамматики», скорее всего, все элементарные смыслы универсального грамматического интеграла получают выражение в любом языке в рамках грамма-

тико-контекстуального комплекса. Разные языки, таким образом, дополняют друг друга в рамках универсального общечеловеческого языка. Отдельные же формы конкретных языков также находятся в отношении взаимной дополнительности на фоне универсальных грамматических понятий.

Грамматические интегралы как целое, и типы контекстуальных комплексов не являются хаотическими наборами случайно встретившихся смыслов. Тот факт, что в разных языках наблюдаются определённые повторения таких сочетаний, таких комплексов атомарных смыслов, и сам факт взаимопереводимости, наводит на мысль о том, что грамматические интегралы и функциональные типы играют роль «аттракторов» в якобы хаотическом процессе языковой (грамматической) деятельности человека, примером «сотрудничества случайности и необходимости» [Николис 1990: 19].

Форма внутри, к примеру, «перфектного» («артиклевого» и т. д.) языка служит основой единства в разнообразии функционирования. В межъязыковых же параллелях, если мы имеем дело с «неперфектным» («безартиклевым») языком, функциональные типы переходят в потенциальный, неявный план. Например, сфера значений перфектности или определённости/неопределённости не исчезает ни в русском, ни в каком-либо ином языке с несфокусированными полями соответствующей семантики. Формально, некоторая семантическая зона, функциональный потенциал универсального грамматического интеграла в конкретном языке проявляется через разноуровневые средства в рамках комплекса. Например, сфера перфектности выражается в целой гамме типов в пределах единого континуума с общей семантикой:

англ. I have lived here since my childhood	Я живу здесь с (моего) детства.
I have lived here all my life.	Я прожил здесь всю (мою) жизнь.
I have never lived there for such a long period.	Я никогда не жил (не жила, не бывал) там так долго.
When I have lived here long enough, I'll know for sure.	Когда я проживу здесь достаточно долго, я буду знать наверняка и т. д.

В приведённых примерах перфектность выражается в русских переводах через формы, центральные для других полей, в сочетании с контекстуальными средствами, взаимодействующие с предельностью/непредельностью и другими классификационными характеристиками лексического наполнения. По наблюдениям Ю. С. Степанова, в русском языке выделимо более двадцати форм лексико-контекстуального выражения перфектного значения, или его функциональных типов [Степанов 1981: 344-346]. Однако виртуальная перфектность может находить в неперфектном языке и выражение, аналогичное, точнее, типологически параллельное той форме, которая используется в перфектном языке и в собственно формальном плане:

У меня (типологически равно «я имею») уже всё сделано.	I have done everything.
где он у тебя там спрятан? (Достоевский)	англ. where have you put/hidden it?; нем. wo hast du verwahrt?; франц. Où l'as tu mis/cachée?; итал. dove l'hai nascosto?

Для артикля также можно привести пример формально-типологической параллели:

Я это в Париже слышал, от одного француза, что... (Достоевский)	англ. I heard it in Paris from a Frenchman; нем. Ich hörte es in Paris von einem Franzosen; франц. J'ai entendu dire a Paris par un français; итал. Un francese, a Parigi, mi disse; венг. Párisban egy francia hozta fel, azzal a megjegyzéssel, hogy...; болг. Слушал съм го в Париж от един французин, че...
---	---

Такие латентные образования, «зародыши» перфекта или артикля в скрытой грамматике неперфектных и безартиклевых языков вполне могут стать синтаксическими центрами, лексико-контекстуальными источниками распространения формальной, грамматизованной перфектности или артиклевости. Именно это и имело место в истории перфектных и артиклевых языков, которые являются перфектными или артиклевыми только на данном этапе их развития. Собственно, панхронический универсальный грамматический интеграл является потенциалом его реализации в любом языке, причем имеются и универсальные закономерности его развертывания, то есть, иерархическое время (иерархия функциональных типов) диалектически соединяется здесь с историческим (стадии развития функционального потенциала).

Одним из примеров перехода контекстуального взаимодействия в грамматизованную единицу, как уже говорилось выше, является генезис аналитических форм. Лексическое значение потенциального вспомогательного компонента берет на себя прото-грамматическую функцию, сначала синтагматически, потом парадигматически: ресемантизируемый вспомогательный компонент грамматизируется. Приведём пример с выражением интеграла «прогрессив» в датском, где отдельные атомарные значения, связанные с данным интегралом, проявляются через глаголы движения: Thomas går og

driller, досл. Томас идёт и посмеивается (= англ. is laughing); Peter sidder og ser fjernsyn, Петер сидит и смотрит телевизор (is watching) [Østergaard 1979: 94-104]. Ср. рус. (с несколько иной модальностью) идёт себе ухмыляется.

Грамматический интеграл представляет собой весьма удобную и адекватную реальности моделью межъязыковых соответствий. Эта модель позволяет объединить понятия виртуальных грамматических значений и их единств, с одной стороны, и актуальное их исполнение в рамках конкретных языков, с другой. Помимо взаимодействия актуальности и виртуальности, модель грамматического интеграла позволяет выявить также взаимодействие системной инвариантности и функциональной вариативности, глобальности значения грамматической единицы (формы или комплекса) и относительной атомарности его минимальных составляющих.

Языки взаимно дополняют друг друга, в чём проявляется единство мира и его познания человеком, выраженное Н. Бором в принципе дополнительности. Этот принцип был сформулирован в том числе и на примере различных языков и культур [Бор 1961: 48-49]. Языки не являются взаимно антагонистическими картинами мира, а представляют собой различные ракурсы единой общечеловеческой эпистемы. В любом языке на периферии грамматической системы, в виде латентной (потенциально могущей развиться), скрытой грамматики можно найти элементы грамматического строя других, иносистемных языков. Кроме того, грамматические смыслы обладают достаточно высокой степенью универсальности и выражаются при переходе межъязыковой границы разноуровневыми средствами другого языка. Grammatica una et eadem est secundum substantiam in omnibus linguis, licet accidentaliter varietur – эта максима Р. Бекона вполне приемлема и сейчас, разумеется, с определёнными допущениями и ограничениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 300 с.
2. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 152 с.
3. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
4. Кашкин, В. Б. Функциональная типология (неопределённый артикль). – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.
5. Литвин, Ф. А. О семантических категориях синтаксиса // Семантические категории языка и методы их изучения. – Ч.1. – Уфа, 1985.
6. Литвин, Ф. А. Порядок слов: Аспекты и функции // К юбилею Ивана Павловича Сусова. 2007. – URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubLitv.html> (дата обращения: 30.04.2012).
7. Маслов, Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
8. Николис, Г. Познание сложного: Введение / Г. Николис, И. Пригожин. – М., 1990. – 344 с.
9. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
10. Delacroix, H. Le langage et la pensée. – Paris: Librairie Félix Alcan, 1930 (1924). – 602 с.
11. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. – Paris: Hachette, 1919. – 318 с.
12. Karcevskij, S. Dualisme asymétrique du signe linguistique // TCLP, I. – 1929. – С. 88-92.
13. Østergaard F. The Progressive Aspect in Danish // Th. Petterson (ed.) Aspectology. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1979. – С. 89-109.
14. Weinrich, H. Textlinguistik: Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache // Jahrbuch für Internationale Germanistik. 1:1. – Berlin; Zürich: Gehlen, 1969. – С. 61-74.